

К 80-летию полного освобождения
Ленинграда от фашистской блокады

Евгений Лукин

Блокадные фрески

Блокадный голод

В каждой ленинградской семье сохранился рассказ о страшном блокадном голоде. Когда началась война, актрисе Алисе Бруновне Фрейндлих было шесть лет. Хозяйство в семье вела бабушка Шарлотта. Получив по карточкам хлеб, она запирала его в шкафу и выдавала строго по часам. «Я, маленькая, сижу перед шкафом, — вспоминала актриса, — и умоляю стрелку часов двигаться быстрее — настолько хотелось кушать».

Был шкаф похож на истукана —
Угрюм и мрачен, груб и слеп.
Достоин печки был жестяной,
Но в нём всегда хранился хлеб.

Хранился он за мощной дверцей,
Которую не отворить.
У шкафа не имелось сердца —
Он неспособен был любить.

Затем Алиса и молилась
Не истукану, а часам,
Чтоб дверца поскорей открылась
От заклинания: «Сезам!»

И в долгожданную минуту
Лишалась дверца мощных креплений.
Являлось сказочное чудо —
Блокадный ленинградский хлеб.

На деле бабушка Шарлотта,
Владея золотым ключом,
Дарила девочке голодной
Картину с радостным концом.

Невская прорубь

Наряду с хлебом, главным блюдом ленинградцев был «блокадный чай» — обычный кипяток. Воду брали из прорубей на реках и каналах. Одна из них была прорублена на Неве — напротив Медного всадника. Скульптура Петра Великого была обшита досками. Проходя мимо, ленинградцы заодно подбирали вокруг щепки для своих печек, чтобы приготовить блокадный чай, и, как бы извиняясь перед Петром, начертали на досках: «Тебе не холодно, а мы согремся».

К Неве ходили за водой,
Где Медный всадник возвышался,
Под чьей державною рукой
У моря город основался.

И размышляли на ветру
У проруби на невской льдине:
«Спасибо мудрому Петру,
Что город не воздвиг в пустыне».

Но с каждым днём всё тяжелей
Ступалось тропкой гололёдной,
Хотелось прошептать скорей:
«Добро, строитель всенародный!»

Всё тяжелей была вода
Из проруби на невской льдине,
И всё мерещилась тогда
Громада в ледяной пустыне.

Там возвышался на тропе,
Обшит досками, всадник Медный.
И думалось: «Добро тебе,
В твоей темнице заповедной».

И размышляли на ветру,
Сбирая щепки у темницы:
«Совсем не холодно Петру,
А нам бы кипятка напиться».

И чудилось, что иногда
К ним обращался всадник Медный:
«Друзья, минует нас беда,
Но не минует час победный!»

Блокадная экскурсия

С началом войны бесценные картины Эрмитажа были эвакуированы на Урал. На стенах остались висеть только рамы. Весной 1942 года начальник охраны Павел Филиппович Губчевский провёл для сибирских призывников, отправлявшихся на фронт, экскурсию по пустым залам Эрмитажа.

Укрыла на Урале стража,
Подальше от враждебных стран,
Сокровища из Эрмитажа —
Джорджоне, Рембрандт, Тициан.

Не стало ни полотен ценных,
Ни изваяний по углам.
Лишь рамы на музейных стенах
Раскинулись то тут, то там.

И вдруг солдаты строем важным
Вошли сюда—за взводом взвод.
Их вёл по залам эрмитажным
Единственный экскурсовод.

Вставал у рамы опустелой:
«Вот—Тициан! Великий дар!
Взгляните: крест несёт тяжелый
Христос—небесный комиссар».

Он воздавал хвалу Джорджоне:
«Представьте: юная Юдифь
Повергла фюрера на троне,
Мечом могучим поразив».

Он так живописал словами,
Что рембрандтовский Авраам
Как бы сникал перед глазами
И острый нож бросал к ногам.

И каждый из солдат недаром
Вскипал от ярости, сравнив
Себя с распятым комиссаром
Или с разведчицей Юдифь.

Ведь каждый был готов из мрака
Идти сквозь огненный буран,
Где поведут его в атаку
Джорджоне, Рембрандт, Тициан.

Танк Победы

Старший лейтенант Зиновий Колобанов, получив на Кировском заводе тяжёлый танк кв, выдвинулся на развилку трёх дорог у Гатчины, где 20 августа 1941 года в одиночку подбил двадцать два немецких танка, и своим ходом вернулся на завод. За этот подвиг он был представлен к званию Героя Советского Союза, но получил лишь орден Красного Знамени. Мало кто решился поверить в такое чудо.

Тяжёлый танк выходит из Кировских ворот:
Как богатырь былинный, на смертный бой идёт.

Клянётся старый мастер, кивая на броню:
«В огне крестилась горнем! Не подведёт в бою!»

Танкисты у развилки дороги фронтовой
Тяжёлый танк укрыли берёзовой листвою.

Вот движется навстречу железная орда,
Грозя крестом тевтонским, как в давние года.

Не знает отступленья тяжёлый русский танк:
Богатырю известен звон рыцарских атак.

Знакомы их бравады, их трэфовая броня:
Сподручно из засады вести по ним огонь.

Пылают на дороге, ворочаясь едва,
Железные болваны—их ровно двадцать два.

Враги как ни старались в том роковом бою,
Но не повергли наземь былинную броню.

И русский танк, крещённый огнём иных высот,
Своим добрался ходом до Кировских ворот.

Подходит старый мастер: «Ну, братцы, как дела?»
«Спасибо!—отвечают.—Броня не подвела!»

Кабинет Фауста

В годы блокады читальный зал Публичной библиотеки находился в так называемом кабинете Фауста, похожем на средневековую монастырскую келью. Здесь хранились редкие книги, а посередине стояла статуя немецкого первопечатника Иоганна Гутенберга. Однажды сюда попал немецкий снаряд...

Из тьмы блокадной, бесконечной,
Не зная никаких преград,
Ворвался в зал библиотечный
Крупнокалиберный снаряд.

Немецкий канонир, наверно,
Не просто так сюда стрелял,
А по наводке дальномерной—
Туда, где тихий свет сиял.

Он круг старинных фолиантов
Разрушил бы в единый миг.
Ему был ад милее Дантов,
Чем райский сад учёных книг.

Как варвар, тёмен, злобен, меток,
Он просвещение отверг.
Ему был чужд далёкий предок—
Первопечатник Гутенберг.

Но тут: «Остановись, мгновенье!»—
Учёный секретарь сказал...
И вдруг снаряд, прервав движенье,
Болванкою свалился в зал.

Ночной таран

Ночью 4 ноября 1941 года младший лейтенант Алексей Севастьянов совершил первый ночной таран немецкого бомбардировщика в небе над Ленинградом. На допросе пленный немецкий ас заявил: «Русские сами виноваты, что мы бомбим их города. Почему они не сдаются?»

Идя на невскую столицу,
Он каждый камень ведал тут.
Ещё лихой тевтонский рыцарь
Сюда прокладывал маршрут.

Фриц говорил: «Мечи куются
Затем, чтоб в битве победить.
Пусть лучше русские сдаются,
И мы не станем их бомбить».

Фриц говорил: «Отдайте земли,
Отдайте сад, отдайте град.
Все эти вотчины издревле
Нам, избранным, принадлежат».

Бомбил его бомбардировщик,
Хотя кругом царила тьма,
Подряд вокзалы, рынок, площадь,
Больницы, мирные дома.

Вдруг под ночными небесами
Взметнулся русский ястребок
И протаранил лопастями
Залётному тевтону бок.

Среди Таврического сада
Пришлось налётчику упасть.
Другой земли теперь не надо—
Он этой нахлебался власть.

Футбольный матч

В воскресенье 31 мая 1942 года в Ленинграде состоялся первый футбольный матч. Его провели наперекор фашистской пропаганде, которая объявила Ленинград «городом мертвецов». Трансляция футбольного матча в эфире произвела сильное впечатление на немецких солдат, осаждавших город на Неве.

Ефрейтор был не при параде.
Слух до ефрейтора дошёл,
Что в осаждённом Ленинграде
Играют мертвецы в футбол.

Он пояснял: «Нам говорили,
Что Ленинград отдал концы,
А тут передают в эфире:
В футбол играют мертвецы».

Был гауптман не при параде,
Ему общаться было лень:
«Что ж, в осаждённом Ленинграде
Настал, видать, воскресный день!»

У русских всё не по-немецки:
Умом их не понять—хоть плачь.
У них живые спят мертвецки,
А мёртвые играют в мяч!»

Ефрейтор был в недоуменье.
Он в морг прифронтовой полез.
Узнал, что в это воскресенье
Никто из фрицев не воскрес.

Ленинградская симфония

Зимой 1942 года дирижёру Карлу Ильичу Элиасбергу поручили исполнить Ленинградскую симфонию композитора Д. Д. Шостаковича, посвящённую осаждённому городу. Дирижёр собирал музыкантов повсюду—от передовой до госпиталей и даже моргов. Премьера симфонии состоялась 9 августа 1942 года.

Симфония подобна чуду!
Её сыграть—большая честь.
И дирижёр собрал повсюду
Всех скрипачей—какие есть.

Трубач из роты пулемётной,
Хоть страшная метель мела,
Явился к сроку в зал холодный,
Где репетиция была.

Туда же валторнист роскошный,
Боец зенитного полка,
Спешил по наледи дорожной,
Поглядывая в облака.

На санках, будто на карете,
Доставили флейтиста в зал.
Альтист, лежавший в лазарете,
На костылях приковывал.

— А где ударник молодецкий? —
Осведомился дирижёр.
Ему ответили:— В мертвецкой!
Там слушает небесный хор.

И, отыскав в мертвецкой тело:
— Воскресни! — дирижёр шепнул.
И вдруг мертвец заиндевелой
Рукою тихо шевельнул...

А в день премьеры среди лета
Он так симфонию сыграл,
Словно, с того вернувшись света,
Он смертью смерть опять поправал.

Русская мозаика

Накануне блокады прославленный мозаист Владимир Александрович Фролов получил заказ—изготовить для московского метро серию мозаичных панно. В холодной мастерской при свете керосиновой лампы старый мастер выполнил заказ, отправил панно в Москву по «Дороге жизни» и тихо скончался от голода.

Непрост заказ столичный,
Но мастер все равно
Из смальты мозаичной
Выкладывал панно.

Мороз его седины
Посеребрил, как дым.
Но дивные картины
Вставали перед ним.

Там хлеб крестьяне жали,
Сооружали кров.
Там рыбаки сгружали
Серебряный улов.

Из горнего там края,
Сияя в облаках,
Сходила мать святая
С младенцем на руках.

И чудилось, что с неба
Несут волхвы опять
Сто двадцать граммов хлеба,
Точней—сто двадцать пять.

Старик заказ Отчизны
Исполнил наяву
И по «Дороге жизни»
Отправил груз в Москву.

А сам в рубахе бедной
Пошёл путём своим—
Дорожкой заповедной
В святой Иерусалим.

Эвакуация

С началом войны началась и эвакуация ленинградцев. Но многие отказывались уезжать, пока не исполнят порученное дело. Историк Сергей Аннинский получил заказ написать очерк об Александре Невском для солдатской серии. Только после сдачи рукописи в печать в феврале 1942 года учёный согласился отправиться в эвакуацию, но по дороге скончался от истощения.

Ему, что ни день, говорил верный друг:
«Скорее в Ташкент! Там лаваш и урюк!
Есть место в машине, пока прочен лёд,
А труд для печати пока подождёт».

Учёный ему пояснял: «Милый брат,
Пишу я брошюру для русских солдат,
Как били когда-то тевтонов на льду.
Закончу брошюру и тотчас уйду».

И вновь говорил ему преданный друг:
«Засохли давно и лаваш, и урюк,
И ты исхудал, как подсушенный плод.
Ну что, ты отправил тевтонов под лёд?»

Учёный с улыбкой ему отвечал:
«Князь Невский победу в бою одержал.
Я службу достойно исполнил свою.
Сегодня брошюру в печать отдаю».

Дорога спасенья по Ладоге шла.
Машина учёного по льду везла.
Смиренно его леденели глаза.
Шла эвакуация—на небеса.

Янтарная комната

Осенью 1941 года Янтарная комната была похищена немецкими солдатами из оккупированного Царского Села. Она предназначалась для мирового музея, который задумал создать Гитлер. Временно её разместили в Кёнигсбергском замке. Во время штурма Кёнигсберга советскими войсками Янтарная комната таинственным образом исчезла. Современные исследователи полагают, что она находится в США.

Гремя подковою железной,
Сверхчеловек вошёл сюда
И обмер от красы чудесной,
Где слились пламень и вода.

Пред ним на зеркале паркета
Сиял янтарный кабинет,
Словно восьмое чудо света,
Которого прекрасней нет.

Сказал: «Не может варвар русский
Таким сокровищем владеть.
Едва ли высшее искусство
Ему дано уразуметь.

В музее всех народов мира,
Как наш великий вождь изрёк,
Ему отыщется квартира,
Ему найдётся уголок».

И вот восьмое чудо света,
Сокрытое под груз иной,
Доставил грузовик секретный
В тевтонский замок ледяной.

И с той поры над грузом ценным,
Как бы исчезнувшим навек,
В музее мира сокровенном
Трясётся тот сверхчеловек.

А нам завещано отныне
Найти янтарный кабинет
И тайны отыскать иные
В пустыне отпывавших лет.

Ольга Берггольц

«Муза осаждённого города» — так по праву именовали поэтессу Ольгу Берггольц. Её стихи, звучавшие по Ленинградскому радио в самые трудные дни блокады, помогали ленинградцам укрепиться в вере и дожить до победы. На каменной стене Пискаревского кладбища выбиты её нетленные строки: «Никто не забыт, и ничто не забыто».

Приходила к печальным гранитам
И вставала у каменных плит.
Говорила: «Ничто не забыто».
Говорила: «Никто не забыт».

Горожане сюда приходили
И упорно искали родных:
«Почему безымянные могилы?
Почему только даты на них?»

О годах памятуя голодных,
Не стеснялась она повторять:
«Потому что бессмертен их подвиг
И божественной славе под стать».